

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Людовик XV

Автор: С. Ф. Блуменау

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Брянского государственного университета.

Эпоха правления Людовика XV и давший ей название монарх породили в научной литературе разные, с множеством оттенков характеристики. Но преобладают две интерпретации, два несовместимых истолкования. Одни историки рисуют короля апатичным, вялым, ленивым властителем. По их мнению, этот пресыщенный развратник, промотавший огромные средства на прихоти своих метресс, совсем не занимался государственными делами. А если верить приписываемым Людовику сентенциям: "На мой век хватит", "После нас - хоть потоп", то окажется, что он еще и цинично оправдывал подобный образ жизни. Отместкой за такое поведение стали внешнеполитические провалы, утрата Францией высокого престижа в мире, потеря колониальной империи. Под пером части авторов король предстает человеком, совершенно неспособным реагировать на вызовы времени. У их читателей складывается мнение, что политический курс этого монарха predetermined крах Старого порядка, а несчастный внук и преемник - Людовик XVI только поплатился за ошибки и грехи деда.

Другая же группа исследователей обращает внимание на полученное Людовиком XV хорошее образование, его любознательность и ум. Он вовсе не отличался цинизмом, а, напротив, испытывал душевные муки, когда присущая ему сильная религиозность наталкивалась на увлечение прекрасным полом. Констатируют привязанность монарха к родственникам, его чадолубие. Историки с симпатией сообщают о нелюбви короля (1) пышным официальным церемониям, о стремлении поскорее оказаться в уютном мире близких друзей и семьи. Приятным выглядит в их изображении и политическое лицо Людовика XV. Предполагается, что, если рутинной занимались высшие сановники, то контроль за положением дел находился все же в руках венценосца. У него были ясные и твердые принципы и он весьма последовательно реализовывал их в политической практике. Король вовсе не чурался реформ, а нововведения в судебной и административных сферах, осуществленные им в конце жизни, могли ослабить кризисные явления в обществе.

Приступая к рассказу о Людовике XV, должно напомнить об обстоятельствах его восхождения на престол. События развивались скоротечно и трагически. В 1711 г., не дожив до 50 лет, умер дофин- дед будущего короля. Особенно тяжелым стал для королевской семьи 1712 г., когда

стр. 62

смерть от кори меньше чем за месяц унесла родителей мальчика - нового престолонаследника герцога Бургундского и Марию-Аделаиду Савойскую, а также его старшего брата герцога Бретонского. Случившееся повергло в отчаяние главу дома - Людовика XIV, чей необычно долгий (72 г.) срок царствования подходил к

концу. Будущее французских Бурбонов тонкой нитью надежды связывалось с уцелевшим правнуком короля. Опасаясь за его здоровье и не желая передавать корону боковой ветви правящей династии - Орлеанам, представленной умным, но распутным и равнодушным к религии Филиппом, герцогом Шартрским, старый монарх даже решился на нарушение "Салического закона" и поставил в ряд наследников престола своих внебрачных детей от маркизы Монтеспан - герцога Мена и графа Тулузского. Впрочем, соответствующий эдикт был после смерти Людовика XIV отменен Парижским парламентом, а реальная власть при короле-ребенке все же сосредоточилась в руках Филиппа Орлеанского, сделавшегося регентом.

Людовик XV стал монархом в 1715г. в возрасте пяти лет. В жизни сироты многое зависело от воспитателей. Поначалу он попал в заботливые руки герцогини Вантадур. Умная и находчивая женщина, она уберегла ребенка от малокомпетентной "команды" врачей во главе с Фагоном, залечившим его близких. Вантадур заставила маленького короля носить корсет и стройностью фигуры в зрелые годы он был обязан именно ей (1).

Раннее пристрастие к охоте и верховой езде сделали его крепким и выносливым. Но проблемы психологического свойства сопровождали Людовика с детства. Причина отчасти крылась в наследственности. Как и его бабушка по отцовской линии, Мария-Анна Баварская (2), король был невротиком, склонным к меланхолии. Погасить тревоги и волнения, возникавшие у робкого по натуре, застенчивого мальчика, могло общение с братьями, сестрами, родителями. Но он рос один и потому особенно нуждался в близком человеке для доверительных бесед. Однако в семь лет его отняли у мадам Вантадур, которую ребенок называл маменькой, и передали на попечение мужчин. Главная роль отводилась маршалу герцогу Вильруа. Неудачливый военачальник, он провалился и на воспитательном фронте. Герцог обременял маленького монарха участием в официальных церемониях, где тот был главным действующим лицом, на которого устремлялись сотни любопытных глаз. При этом приходилось еще и произнести несколько фраз. Слабая нервная система не справилась с перегрузками и Людовик стал бояться толпы, вообще незнакомых людей. Со временем детские страхи переросли в устойчивый комплекс. Король и позднее плохо чувствовал себя в новом обществе, молчал или говорил невпопад. Его поведение контрастировало с уверенной манерой держаться Людовика XIV, который был обычно приветлив и любезен (3). Это не могло не сказаться на образе монарха в глазах подданных.

Не способный проникнуть в эмоциональный мир ребенка, понять его переживания, занятый интригами Вильруа мало заботился о формировании качеств личности, необходимых королю. Когда Вантадур выразила беспокойство тем, что мальчика не приучают к труду, старый воспитатель возразил ей: работа - удел министров (4).

Несравненно лучше обстояло дело с обучением монарха. Ответственным за это был епископ Фрежюский - будущий кардинал Флери. Учебная нагрузка мальчика была значительной: письмом, латынью, историей занимались ежедневно, другие предметы изучались реже. Хотя у Людовика и не выработался особо изысканный слог, но писал он хорошо, быстро и охотно. При этом любил порядок на рабочем столе. В будущем приобретенные навыки пригодились. Король пробуждался за несколько часов до официальной церемонии вставания и работал с бумагами. Но эта сторона его деятельности была практически неизвестна и у большинства возникало

представление о ленивом монархе.

Людовик обладал большой и постоянно пополнявшейся библиотекой. Он хотел получать точные данные, использовал справочные материалы. Король располагал прекрасной коллекцией географических атласов. По

стр. 63

мере приближения к 13 годам, к совершеннолетию учеба приобретала все более целенаправленный характер: монарха знакомили с организацией государственной машины, армии, с иностранными делами, финансами. Юный властелин хорошо разобрался в истории Европы, в том числе, благодаря замечательной памяти.

Удивляет в короле его тяга к естественным наукам, не столь уж частая для коронованных особ. Он живо интересовался астрономией, физикой, ботаникой. В Версале у Людовика имелся физический кабинет, где ему показывали опыты с электричеством. Сам он наблюдал за небесными светилами. Еще в раннем возрасте монарх потребовал себе типографию и выпустил 72-страничную книжку о растениях (5). Если его великий прадед не без кокетства ссылался на пробелы в образовании, то у Людовика XV не было оснований для подобных сожалений.

Вскоре после достижения подростком совершеннолетия скончался регент. Первым министром сделался молодой герцог де Бурбон, по материнской линии - внук Людовика XIV и его фаворитки Монтеспан, а по отцовской - правнук выдающегося полководца принца Конде. Идеей фикс для герцога и его любовницы мадам де При стала срочная женитьба монарха. Физически он был развит не по годам, обращал на себя внимание придворных красавиц, которые в соответствии с вольными нравами времени обсуждали вопрос, кому из них удастся превратить юношу в мужчину. Де Бурбона и его наперсницу волновало другое. Женитьба Людовика XV, рождение у него детей множили надежды на сохранение трона за правящей династией и снижали риск перехода власти к Орлеанскому дому, с представителями которого первый министр был не в ладах. Он пошел на разрыв ранее состоявшегося обручения с испанской инфантой, поскольку из-за ее малолетства брака еще надо было ждать годы.

В ходе поисков невесты выбор пал на дочь лишившегося трона польского короля Станислава Лещинского- Марию. Она была чуть ли не на 7 лет старше жениха, не считалась красавицей, но отличалась замечательным цветом лица. Будущая королева была образована, музицировала и пела. Бракосочетание состоялось 5 сентября 1725 года. Юный монарх оказался неутомимым любовником. Двор, а за ним и вся страна узнали, что в брачную ночь Людовик был 7 раз близок с женой. Поначалу семейная жизнь складывалась удачно. Король полюбил супругу, а на попытки привлечь его внимание к другим обольстительным дамам уверенно отвечал, что его Мария лучше всех. Быстро увеличивалось потомство. С 1727 по 1737 гг. королева родила десять детей и среди них дофина - Луи Фердинанда.

Вслед за физическим возмужанием, казалось, шло и политическое взросление. 16-

летний монарх отстранил от власти и сослал герцога де Бурбона и даже объявил о начале личного правления. В действительности же он переложил бремя трудов по управлению страной на своего наставника. Не будучи формально первым министром, кардинал де Флери фактически играл при Людовике XV ту же роль, что кардинал Ришелье при Людовике XIII. Он сохранял эти позиции с 1726 г. до самой смерти в 1743 г., немного не дотянув до 90-летия (6).

Король же отдавался своим увлечениям и, прежде всего, охоте. Охотясь 4 раза в неделю до пяти часов вечера, Людовик не знал усталости, был нечувствителен к дождю и холоду. Его охотничьи успехи поражали, а однажды число трофеев достигло 440. Менее страстно он любил театр: три раза в неделю присутствовал на постановках французских и итальянских комедий, трагедий. Реже коротал вечера за картами.

Шумная обстановка Версаля и требования церемониала его раздражали. С тем большим желанием покидал король эту резиденцию для того, чтобы посетить другие замки. Его отлучки в Марли, Рамбуйе, Фонтенбло были часты, а в 1730г. Людовик провел вне Версаля 267 дней. Перемена мест вносила оживление в рутину повседневной жизни. Постоянство король проявлял в другом. Где бы он не находился, трапезы отличались обилием. В этом монарх встречал полное понимание со сто-

стр. 64

роны жены, превосходящей его в чревоугодии. Как-то она съела за один присест 180 устриц (7).

Идиллия в отношениях молодого короля с женой наблюдалась во второй половине 20-х- начале 30-х годов. Но постепенно они стали портиться: сказались разрыв в возрасте, различия характеров, темперамента. Постоянные беременности повлияли на образ жизни Марии Лещинской, замкнувшейся в кругу домашних забот и нехитрого досуга. Свободное время она уделяла молитвам, благотворительности, вышиванию, немного рисовала. Незаметно королева превратилась в женщину среднего возраста, а среди ее друзей преобладали и вовсе пожилые люди. От окружения монархини веяло скукой, которую Людовик XV не переносил. Но главной причиной недовольства короля женой была ее растущая холодность. Мало того, что во время беременности королевы врачи часто запрещали последней интимные отношения, она еще и сама отказывала мужу, ссылаясь на день того или иного святого. Королю же вынужденное воздержание давалось с большим трудом.

Голубоглазый, с открытым лбом, красивым и чувственным лицом, он нравился женщинам. Ему же было уютно в кругу преданных друзей. Людовик полюбил вечера у жены графа Тулузского с непринужденными беседами, застольем, шутками. Здесь он и познакомился в 1731 г. с дочерью маркизы Несль- мадам де Майи. Длинное лицо, большой рот, грубый голос не делали ее привлекательной, но молодой властитель еще робел перед красавицами. Зато ему нравились хороший характер и веселая натура своей собеседницы. В течение года их отношения не заходили далеко из-за богобоязненности венценосца. Наконец, по инициативе де Майи они стали

любовниками. Эта связь долго скрывалась и двор узнал о ней только в 1737 г. после очередного и особенно бесцеремонного отказа королевы исполнить супружеский долг. Позднее в объятиях короля побывали три из четырех оставшихся дочерей маркизы. Мадам де Винтимиль даже родила ему сына, столь похожего на монарха, что его прозвали Полу- Людовик, но сама умерла во время родов. Особенно увлекся король младшей из сестер, выделявшейся своей красотой и амбициозностью. Она получила от него имение Шатору и была возведена в ранг герцогини. Новая возлюбленная, в отличие от прежних, стала официальной фавориткой (8).

Бурные любовные переживания не означали полного пренебрежения делами. Достигнув совершеннолетия, Людовик принимал постоянное участие в еженедельных заседаниях Верховного совета, Совета депеш, Королевского финансового совета. Было бы сильным преувеличением представлять его статистом, передоверившим все кардиналу. Впрочем, до поры до времени он мало вмешивался в решение экономических проблем. Занимавшиеся этим Флери и генеральный контролер финансов Орри добились равновесия между расходами и доходами казны, неизменности золотого и серебряного содержания французских металлических денег и других позитивных результатов. Зато в сфере религии и особенно во внешней политике ощущалось и непосредственное влияние короля на ход событий.

Между тем в стране разворачивались и выходили за пределы среды священнослужителей религиозные споры. Власти, ортодоксальное духовенство и сторонники приоритета пап не только в церковной, но и в светской сфере (ультрамонтаны), поддержанные орденом иезуитов, повели "крестовый поход" против янсенистов. Берущее начало от голландского богослова К. Янсения, это течение высказывалось в оппозиционном духе по вопросам теологии, морали, церковной организации и политики. Свободе воли и спасению души через угодные церкви деяния янсенисты противопоставляли идею предопределения, рассуждая о божественной благодати, нисходящей на немногих избранных. Это закрывало многогрешным французским королям путь в рай. Вместе с верхушкой первого сословия, не чуждой роскоши и не всегда служившей нравственным, примером, их укорял аскетизм и моральный ригоризм религиозных диссидентов. Выступая, как и некоторые другие течения в католицизме, с демократических позиций, янсенисты настаивали на участии в принятии решений по делам веры не

стр. 65

только массы священников, но и всего "христианского народа". Изобличая церковную тиранию, радикально настроенные мыслители подымали свой голос и против тирании светской, доходя, порой, до республиканских выводов (9).

В критике пап янсенисты пользовались широким пониманием и сочувствием общественности и практически смыкались с галликанами, стремившимися к независимости национальной церкви и ее ориентации на государственную власть. Ассамблея французского духовенства еще в 1682 г. приняла декларацию, означавшую большую самостоятельность от Ватикана. Но поддержавший ее Людовик XIV, заинтересованный в благоприятной позиции папства при разрешении сложных внутренних и международных проблем страны, пошел на попятную. К

концу жизни он стал крайне набожным, испытывал влияние своих духовников-иезуитов. В 1709 г. король приказал разрушить центр янсенистов - монастырь Пор-Рояль, а в 1713 г. по его наущению папа выпустил буллу "Унигенитус", осуждавшую янсенизм и поставившую под сомнение свободы галликанской церкви.

Гонения на янсенистов увеличивали их популярность. Впечатляли подвижничество и скромный образ жизни проповедников. Особую известность приобрел дьякон Пари, питавшийся только овощами, спавший на голых досках и раздававший свое имущество беднякам. Могила этого рано умершего человека на кладбище Сен-Медард стала объектом массового поклонения. Тысячи почитателей, ожидавшие чудес, впадали здесь в конвульсивное состояние, ели землю.

Наперсника короля раздражало распространение опасного вероучения. Флери повел борьбу как с янсенистской элитой, так и с широким движением, питавшим ее силой. 24 марта 1730 г. булла "Унигенитус" стала законом церкви и государства. Незадолго до этого кардинал добился смирения прежде оппозиционного теологического факультета Сорбонны, отозвавшего акты, противоречившие булле, и запретившего преподавание тем, кто не согласен с ее содержанием. Несколько сот противников буллы подверглись арестам и ссылке. Многие священнослужители-янсенисты, включая епископа, были отрешены. Издателей и распространителей соответствующей литературы выставляли у позорного столба и даже отправляли на галеры. Кладбище Сен-Медард было закрыто. В сельскую местность, где народные суеверия часто подменяли собой христианство, посылали священников-миссионеров (10).

По своим убеждениям Людовик XV разделял позиции министра и сам действовал в том же духе. Крепость его религиозных чувств явилась результатом воспитания и воздействия окружающих. Набожность стала одной из примет Версаля конца царствования Людовика XIV, где будущий венценосец проводил детство. Большую роль сыграло наставничество Флери. В зрелом возрасте король прекрасно разбирался в вопросах литургии. Он регулярно посещал мессу, соблюдал Великий пост. Но причащался монарх и участвовал в церемонии возложения рук на золотушных больных только до 1738 года. В дальнейшем, считая себя большим грешником, Людовик отказался участвовать в этих обрядах.

Глубоко верующими были все домашние короля. Благочестием отличались его сын-дофин Луи-Фердинанд и дочери, одна из которых сделалась монахиней-кармелиткой. Королевское семейство составляло часть "партии набожных", оказывавшей серьезное влияние при принятии решений, касавшихся вопросов веры.

И непосредственно Людовик противодействовал противникам официальной линии в сфере религии. Он принимал решительные меры против парламентов, подключившихся к критике "Унигенитус", чтобы отстоять автономию галликанской церкви и поддержать оппозиционное духовенство. Многие непослушные магистраты оказались в ссылке. Показательно, что король отказывался принимать депутации парламентов, поворачивая к ним спиной. Он согласился и с антимассонской буллой Ватикана, изданной в 1738г., потребовал удаления из Версаля придворных- "вольных каменщиков" (11).

Существенным было воздействие короля на отношения Франции с другими странами. К этой приоритетной деятельности монархов имел склонность и сам Людовик. Поле для замыслов и конкретных шагов было широким, но внешнеполитический курс государства во многом задавался его геополитическим положением, конфессиональной принадлежностью населения, династическими связями государей.

Традиционное и жесткое соперничество за преобладание в Европе сталкивало Бурбонов с могущественными Габсбургами. Хотя эта династия и пресеклась в Испании, другая ее ветвь владела обширной Австрийской державой и сохраняла за собой германский императорский титул. В борьбе с главным противником Франция опиралась на выстроенный ею "восточный барьер" из дружественных стран: Османской империи, Польши, Швеции. Союзы крепились с помощью субсидий. Отношения с другим ведущим европейским государством - Англией казались более подверженными менявшейся внешнеполитической конъюнктуре. С реставрированными Стюартами Людовик XIV находил общий язык. Но с приходом на английский трон ненавистника Франции протестанта Вильгельма III Оранского противоборство двух стран стало важным фактором мировой политики. Важное значение для Франции имели контакты с соседней Испанией. И хотя при Регенстве дело дошло даже до войны между ними, более естественными для этих государств были союзнические связи, поскольку с начала XVIII в. на испанском престоле воцарились Бурбоны.

Внешнеполитические проблемы Франции предстояло решать, прежде всего, двум ее наиболее могущественным людям: королю и кардиналу. Флери и Людовик придерживались разных подходов, хотя не отдавали себе отчет в этом, и не только не доводили дело до конфликтов между собой, но даже и до зримых разногласий. Памятуя об огромных тратах на войну, министр, озабоченный экономией государственных средств, действовал необычайно миролюбиво. Линия Флери находила отклик и понимание у британского премьера Г. Уолпола. Но стороны по-разному использовали мирную передышку. Если Франция значительно сократила бюджетные ассигнования на флот, то Англия, наоборот, наращивала военно-морские силы(12). Узко-прагматический курс экономного кардинала нанес интересам страны в длительной исторической перспективе серьезный ущерб.

Людовик XV, напротив, отталкивался от долгосрочных задач французской внешней политики. Придавая меньшее значение непосредственным завоеваниям, он добивался укрепления союзнических связей Франции, роста ее влияния в Европе и мире, ослабления позиций главных противников. Такой подход имел преимущества, но тоже был чреват опасностями. Многоходовые расчеты могли быть опрокинуты действиями противной стороны или из-за неблагоприятного стечения обстоятельств. Сложность задуманного делала путь к успеху трудным и извилистым, а верность короля союзническим обязательствам нередко становилась обременительной для французов.

Различия в представлениях о внешней политике сказались на польских делах, когда в

1733 г. скончался король этой страны Август II Сильный. Людовик XV хотел посадить на освободившийся трон своего тестя, уже занимавшего его прежде. Флери же не возражал против передачи польской короны сыну умершего саксонскому курфюрсту, чего добивалась уже привыкшая влиять на соседнее ослабевшее государство Россия и союзная с ней Австрия. Но фактический глава правительства не собиравшийся перечить монарху и Франция пошла на огромные траты, приведшие к избранию Станислава Лещинского королем. В ответ российская императрица Анна Ивановна направила в Польшу многотысячный воинский контингент, что стало решающим аргументом для избрания сеймом уже Августа III. Укрывшемуся в Данциге Лещинскому оставалось ждать французского вмешательства. Франция послала на помощь только 5 кораблей и 3 батальона солдат общей численностью в 2 тыс. человек, тогда как для успешного противостояния осаждавшим город русским войскам необходимы были 20-25 кораблей и 15-20-тысячный корпус (13). Но кардинал, не без основания, полагал,

стр. 67

что появление на Балтике большой французской эскадры вызовет негодование англичан. В таких условиях Данциг капитулировал, а Лещинский бежал из Польши.

Эти события были только частью "войны за польское наследство", в которой главными контрагентами выступали Австрия, с одной стороны, Франция и Испания, - с другой. При этом империя Габсбургов терпела чувствительные неудачи. Ветеран Людовика XIV главный маршал Виллар побеждал в Северной Италии, а испанцы - в Южной. Успешно действовали французские военачальники, в частности внук жестоко наказанного в прежнее царствование Фуке- Бель-Иль в Германии. Благодаря этому результаты войны оказались весьма удачными. По Венскому миру 1738 г. Станислав Лещинский получил в компенсацию за Польшу Лотарингию, которая с его смертью должна была стать частью Франции. Младшая ветвь испанских Бурбонов овладела королевством обеих Сицилии. Интересно, что Людовик XV и впредь не оставлял идеи возвести на польский трон своего родственника, теперь уже кузена Конти. В этом направлении будет действовать тайная дипломатия короля.

Заклученный Францией мир оказался недолгим. В 40-е годы страна вступила в новую войну, где ее главным противником опять явилась Австрия. Правда, ни король, ни его первый министр не были инициаторами конфликта. Флери высказался против, предвидя громадные расходы. Сам Людовик склонялся к нейтралитету Франции в зревшей европейской войне (14), что, как показало недалекое будущее, было наилучшим выбором для державы. Но свою роль сыграли давние и глубокие антиавстрийские настроения населения - результат векового противостояния Бурбонов и Габсбургов. К войне подталкивала неопределенность, возникшая вокруг австрийского престола.

Скончавшийся в октябре 1740 г. Карл VI не имел мужского потомства и трон унаследовала его дочь Мария-Терезия. И хотя предусмотрительный монарх загодя договорился об этом чуть ли не со всей Европой, желающих воспользоваться трудностями династии оказалось немало. Наибольшее нетерпение проявил молодой и славлюбивый прусский король Фридрих II, практически захвативший

австрийскую Силезию уже в начале 1741 года. В антиавстрийскую коалицию вошли некоторые германские и итальянские государства. Намеривалась за счет Австрии продолжить свои завоевания на Аппенинах Испания. Что же касается французских Бурбонов, то они активно поддерживали в качестве претендента на германскую корону баварского курфюрста Карла Альбрехта, помогали испанским родственникам в их экспансионистских устремлениях, желали ослабления и даже расчленения державы Габсбургов.

Начало войны не предвещало проблем для Франции и ее союзников. 26 ноября 1741 г. франко-баварско-саксонские войска овладели Прагой. Баварский курфюрст был объявлен чешским королем, а затем избран германским императором под именем Карла VII. Но молодая австрийская правительница обнаружила незаурядное политическое дарование и присутствие духа. Она смогла опереться на, казалось, ненадежных венгров, изгнала врагов из Богемии и даже захватила столицу Баварии Мюнхен. Затем в поддержку Австрии выступили озабоченная европейским равновесием Англия и Голландия. Англо- ганноверско-голландская армия победила летом 1743 г. французов под Деттингеном в Германии. Из антиавстрийской коалиции вышли и встали на сторону Марии-Терезии Саксония и Пьемонт. После смерти Карла VII германская корона опять вернулась к Габсбургам, а именно к мужу австрийской государыни Францу I.

Трудным партнером по коалиции был для Франции прусский король, сообразовывавшийся лишь со своими интересами и заключавший с Австрией то перемирие, то сепаратный мир. Впрочем, начатая им вторая Силез-ская война облегчила и французам наступление на разных фронтах. Коротким, но весьма успешным было участие в военных действиях Людовика XV. Этому предшествовали политически значимые события в самой Франции.

Скончался долгожитель, бравший на себя бремя многих государствен-

стр. 68

ных решений, кардинал Флери. По примеру прадеда Людовик XV мог взять теперь бразды правления непосредственно в собственные руки. К этому государя подталкивала фаворитка - герцогиня Шатору. Она так настойчиво требовала от него активности на политическом поприще, что с непривычки король застонал: "Мадам, Вы меня убьете!" Монарх стал работать больше и регулярнее, по несколько часов в день. Его интеллектуальные возможности были выше средних, он быстро схватывал суть проблемы. Король чувствовал себя комфортно в тиши уютного и элегантного кабинета, среди книг.

Непосредственные контакты с государственными людьми давались куда сложнее. Министры нередко менялись, а Людовик медленно привыкал к новым лицам. Он прислушивался к советам, но в случае расхождения мнений избегал открытого выяснения позиций. Нервный, легко впадавший в меланхолию король стремился уйти от прямых и тяжелых разговоров. С одной стороны, это порождало скрытность и попытки действовать помимо официальных каналов, секретно. С другой,- постепенно накапливалось недовольство людьми, действовавшими вразрез с его

представлениями, либо затрагивавшими кого-либо из ближайшего окружения: друзей и родных. Оно прорывалось в неожиданных, казалось бы немотивированных отставках.

В целом, государственные дела быстро утомляли слабую нервную систему монарха. Политическую рутину, но также и часть значимых проблем он передоверял министрам, среди которых выделялись: граф д'Аржансон, Машо, герцог Шуазель, Мопу и Тэрре. Еще большим влиянием пользовались официальные фаворитки короля. Но столько власти, сколько имел Флери его воспитанник уже не отдавал никому. Контроль за управлением страной он сохранял в собственных руках, а покушений на свои абсолютные права не терпел.

Между тем Шатору пробуждала честолюбие короля, жажду славы, в том числе воинской. Весной 1744г. Людовик XV отправился в действующую армию, в Мец. Здесь он серьезно заболел и окружающие предположили, что венценосец умрет. Встал вопрос о причастии и предсмертной исповеди, предварительным условием которых было немедленное удаление фаворитки. Епископ Суассона Фитц-Джеймс потребовал публичного покаяния монарха и его текст разослали во все приходы страны. Но к радости миллионов французов король остался жив. Показательно, что во время болезни в одном только Париже заказали 6 тыс. месс за выздоровление. Популярность государя достигла апогея, именно тогда его и прозвали "Возлюбленным".

Иначе и трагично сложилась судьба Шатору. Народ обычно демонстрировал презрение к фавориткам. Отъезжавшей из Меца в Париж любовнице короля досталось сполна. Люди забрасывали карету герцогини и ее сестры камнями и гнилыми фруктами. Но возродившийся к жизни Людовик проявил любовь, преданность и характер, когда затребовал фаворитку обратно ко двору. Триумфального возвращения, однако, не получилось: молодая женщина в возрасте 27 лет умерла от воспаления легких (15).

Монарх сильно переживал, но вскоре у него появилась новая возлюбленная, которой удастся намного превзойти прежнюю в своем влиянии на ход дел в королевстве. В отличие от нее, она происходила совсем не из дворянской среды. Но эта молодая особа, в девичестве Жанна Пуассон, как метеор ворвалась на вершину французской элиты и стала широко известна миру под именем маркизы Помпадур.

Она родилась 30 декабря 1721 г. и была, фигурально выражаясь, дочерью трех отцов. Ее крестным стал Монмартель - младший из четырех братьев Пари, влиятельнейших финансистов Франции. Собственно отцом был Франсуа Пуассон, служивший у этих людей, подвергшийся уголовному преследованию из-за их операций и надолго укрывшийся за границей. Заботу о семье взял на себя любовник матери - богатый откупщик Ленор-ман де Турнем, позднее выдавший Жанну-Антуанетту за своего племянника д'Этиоля. Дедушка девочки по материнской линии также принадлежал к денежной буржуазии. Тогдашние финансисты не довольствовались вуль-

гарным обогащением; они стремились одворяниться, стать благородными, усваивали принятый в Версале стиль поведения(16). Будущая Помпадур получила прекрасное воспитание и блестящее образование, что впоследствии облегчило ей существование в высшем свете.

Еще в детстве девочке нагадали, что она станет возлюбленной короля и предсказание накрепко засело в ее голове. Земли д'Этиолей находились по соседству с королевским охотничьим замком Шуази, чем Жанна-Антуанетта пользовалась, чтобы чаще попадаться на глаза Людовику XV. Весной 1745 г. она покорила монарха своей красотой и очарованием глаз, благодаря которым выражение лица непрестанно менялось, не нарушая, однако, гармонии его черт. Но король должен был опять отправиться в войска, на сей раз в сопровождении дофина, желая приобщить его к ратным делам. Зато за короткий период разлуки он написал своей новой подруге 80 писем. Чтобы ответить на них, последней пришлось прибегнуть к помощи "литературных негров" - аббата Верни и самого Вольтера.

Что же до военных действий, то на бельгийском направлении французским силам под командованием Морица Саксонского противостояла англоганноверская армия, ведомая сыном Георга II герцогом Камберлендом. При всей рыцарственности и галантности обеих сторон битва при Фонтенуа получилась жестокой и принесла и тем, и другим большие потери. Сначала был убийственный огонь английской пехоты и казалось, британцы одолевают. Французы победили в контратаке. Артиллерия пробила брешь в рядах вражеской инфантерии, а довершили дело лейб-гвардейцы короля, оставившие его на время без охраны (17). Победа 11 мая 1745г. вдохновила французов. В последующем их ждали только успехи в этом регионе. К концу 1747 г. Франции удалось захватить все Австрийские Нидерланды и большую часть Голландии.

Однако мирным договором, заключенным в октябре 1748 г. в Ахене или, как его называли французы, в Экс-ле-Шапель эти победы были сведены на нет. Мария-Терезия должна была уступить Силезию Пруссии, некоторые итальянские земли Испании и Сардинскому королевству. Франция же вернула захваченные районы Бельгии и Голландии, не приобретя ничего. Договор ошеломил население страны. "Ты глупа как мир" (в Ахене - С. Б.) - такое выражение стало популярным у парижских торговцев и не только у них.

На самом деле, загипнотизированное победами на бельгийском направлении общественное мнение не могло оценить всей сложности проблем, стоявших перед воюющей Францией и заставивших короля пойти на непопулярную мировую. Со своей стороны, французские историки, движимые национальными чувствами, превратно истолковывают Ахенский договор, приписывая Людовику XV исключительное миролюбие и великодушие, подтолкнувшие его к отказу от аннексий (18).

Между тем австрийская армия не потеряла боеспособности, а в декабре 1747 г. ее части даже оказались в Провансе. На Британских островах провалились шотландское восстание и претендент на престол Карл Эдуард Стюарт, поддерживаемый Людовиком XV. Война на море обнаружила неподготовленность французского флота, потерпевшего в 1747 г. от англичан два чувствительных поражения подряд.

Было также ясно, что Великобритания не согласится с тем, чтобы "нидерландский барьер", сдерживавший Францию, перестал существовать.

Важное значение приобретала позиция России. Логика международных отношений той поры должна была противопоставить ее Франции. Ведь государства "восточного барьера", построенного Францией- Польша, Швеция, Турция- часто находились в конфликте с нашим Отечеством. С Австрией же, напротив, Россию объединяла роль форпоста христианского мира в его противодействии османской экспансии. Положение попытался изменить французский посол в Санкт-Петербурге маркиз Шетарди. Активно поддержав совершенный Елизаветой 25 ноября 1741 г. переворот, он рассчитывал на превращение России в еще одно орудие французских интересов на востоке и привлечение ее в лагерь врагов Австрии. Дело австрийско-

стр. 70

го посла Ботта, сочувствовавшего свергнутому малолетнему царю Ивану VI Антоновичу (19), облегчало такой сдвиг, тем более, что Елизавета и часть ее окружения испытывали теплые чувства к Франции. Но ведавший русской внешней политикой А. П. Бестужев-Рюмин дешифровал переписку француза с его правительством и представил императрице выдержки с нелестными отзывами о ней. Результатом стало немедленное выдворение Шетарди из России и укрепление связей с Австрией и Англией. Австро-русский союзный договор 1746 г. и субсидные конвенции с Великобританией предусматривали посылку 30-тысячной русской армии в Европу. Ее появление на Рейне весной 1748 г. не на шутку напугало Людовика XV и сказалось на мирных договоренностях в Ахене (20).

Велика была роль еще одного фактора. Война оказалась не только долгой и изнурительной, но и крайне дорогостоящей. Государственный долг Франции, и без того большой, возрос на астрономическую сумму в 1,2 млрд ливров. Все вместе взятое и побуждало короля согласиться на такой, лишь на первый взгляд, нелогичный мир в Экс-ле-Шапель. Мирный договор был выходом из положения в 1748г., но народ не мог простить правящим верхам, что потоки французской крови оказались пролитыми напрасно, а материальные жертвы не дали эффекта. Власть вела себя бестактно, не считаясь с угнетенным состоянием французов, с их болезненной реакцией на произошедшие события. Так, в ознаменование мира, завершившего неудачную войну, организовали празднества. Возмущению людей, прогонявших музыкантов и сжигавших декорации, не было предела. Чувство национальной гордости оказалось задетым, когда государство, обещавшее до того гостеприимство Карлу Эдуарду Стюарту в угоду правящей в Англии Ганноверской династии, арестовало его и посадило в Венсен.

Возросли и экономические тяготы населения страны. Хотя десятину времен войны заменили двадцатиной, потери от этого восполнили с лихвой. Еще в декабре 1747 г. была существенно повышена капитация: на два соля с каждого ливра. Для пополнения казны использовались также займы, королевская лотерея, другие средства(21). Между тем ряд провинции стали жертвами недорода хлеба, и, соответственно, дороговизны продовольствия и голода. Нищие и бродяги

заполнили дороги Франции, двигаясь по направлению к столице.

Все это неблагоприятно сказывалось на морально-психологическом климате в стране. Кредит популярности, приобретенный королем со времен "мецкой истории" и битвы при Фонтенуа, оказался растраниженным. Появились песенки и стишки, рисунки, изображавшие его в неприглядном виде. Произведенные в этой связи аресты только подлили масла в огонь.

В скором повороте общественного мнения от пылкой любви к Людовику XV до неприязни к нему отчасти "повинна" Помпадур. Народ и буржуа были скандализированы не столько связью маркизы с королем, сколько необычной даже для Версаля расточительностью, ею иницируемой. Людская молва, конечно, не была справедлива к возлюбленной монарха, как и обычно к фавориткам. Но то, что Помпадур серьезно повлияла на вкусы и интересы придворных кругов, несомненно.

Маркиза организовала в Версале любительский театр. На протяжении пяти лет с начала 1747 г. она поставила здесь 61 драматическое и музыкальное произведение. Фаворитка являлась исполнительницей главных ролей и даже ведущих партий в операх. Лучшая любительская актриса страны, Помпадур обнаружила немало талантов среди версальских обитателей. Вокруг участия в спектаклях, возможности играть в оркестре, находиться среди избранных, приглашенных на представление, разворачивалась нешуточная борьба. Аристократы, которым отказывали в приглашении, впадали в неподдельное отчаяние и, порой, отправлялись залечивать раны, нанесенные самолюбием, в свои имения в провинцию. Помпадур удалось то, что не удавалось многим: рассеять, развеселить короля. Людовик стал не только восторженным зрителем, но и активным участником "театрального строительства", соавтором свода правил для версальской труппы, предложенного фавориткой.

стр. 71

Одинаковые увлечения усиливали взаимную привязанность короля и маркизы. Аромат цветов и растений пьянил их. Сады, которые разбивала Помпадур, радовали глаз. Ее тяга к прекрасному имела множество проявлений, тем более, что Людовик не стеснял фаворитку в средствах. Фарфоровые цветы нравились Жанне-Антуанетте не меньше настоящих. Страсть маркизы к фарфору находила отклик в душе монарха, устраивавшего распродажу фарфоровых сервизов в Версале. В подаренной Помпадур деревне Севр было развернуто производство и вскоре севрский фарфор станет широко известным.

Большие материальные возможности метрессы позволяли ей приобретать загородные дома и замки, которые она перекраивала по своему вкусу. При этом находила поддержку у короля, не только ценившего общение с придворным архитектором Габриэлем, но и участвовавшего в проектировании особняков для друзей-герцогов. Возник даже стиль Людовика XV, относящийся, главным образом, к интерьеру строений. Помпезность, монументальность, свойственные архитектуре предшествовавшего царствования, сменились уютом и комфортом. Вместо анфилады проходных комнат предполагалось иное распределение пространства. Теперь оно вмещало вестибюль, салон, кабинет, а, главное, изолированные комнаты, где можно

было побыть наедине с собой. Это соответствовало изменившейся ментальности французов, их стремлению к интимизации быта. Что же касается "красивой жизни" верхов общества, то ее непременной составляющей являлась дорогостоящая мебель. Для изготовления использовались и красное дерево, и эбеновое, и другие материалы. Мебель была одновременно изящной и удобной. К услугам заказчиков имелись скамеечки для ног, пуфики, более десятка видов канапе.

Особое место в замках короля и резиденциях маркизы занимали произведения искусства. В единственном возведенном, а не купленном фавориткой особняке Бельвю находилась галерея из картин Буше. Сюжеты его полотен, нарядные, нежные краски создавали легкое, беспечное настроение, чего и добивалась Помпадур. В том же стиле рококо, соответствующем гедонистическому мировидению придворных кругов, был выполнен и интерьер дома.

Некоторые изменения во вкусах Жанны-Антуанетты связаны с посещением Италии ее братом- маркизом Мариньи, возглавлявшим департамент королевских строений. Там как раз шли раскопки погребенных под пеплом Везувия Геркуланума и Помпеи. Находки усилили интерес к античности, что привело к смене рококо во второй половине века неоклассицизмом. Этот стиль нашел отражение в построенном Габриэлем Малом Трианоне, внешний вид и интерьер которого отличались простотой и гармонией. Примечательно, что и Помпадур отвращала мастеров от изогнутых линий и вычурности, свойственных рококо, требовала естественности.

Маркиза немало сделала для людей искусства, обеспечила талантам комфортные условия существования, стимулировала их творческие усилия. Но была и оборотная сторона медали: невероятные траты на свои прихоти. Один только Бельвю стоил 3 млн ливров, а вообще на нужды фаворитки израсходовали 36 924 140 ливров(22). Обыватели не знали этих цифр, но роскошь была в глаза тем, кто не всегда имел и скудный достаток. Народная ненависть постоянно сопровождала возлюбленную короля и прорывалась в многочисленных пуассонадах (по девичьей фамилии Помпадур - Пуассон) - стишках и эпиграммах, часто неспристойного содержания.

На таком неблагоприятном общественном фоне в Париже в 1750 г. разыгрались волнения, связанные с "похищением детей". При всем зловещем характере обстоятельств это событие было лишь одним в длинной череде ему подобных в последней трети XVII- первой половине XVIII века. Время от времени в столице проводились мероприятия по задержанию бродяг с целью отправки в колонии, где насчитывалось мало жителей по сравнению с быстро растущим населением заморских территорий Англии. Но в абсолютистском полицейском государстве жертвами нередко становились не взрослые молодые люди, прибывшие со всей Франции и склонные

к криминалу, а подростки и дети из парижских семей. Рвение полицейских подпитывалось премиями, обещанными за каждого задержанного. Поборником жесткой линии была креатура мадам Помпадур, глава столичной полиции Беррье, не делавший различий между игравшей на улицах парижской ребятней и настоящими

бродягами. В соответствии с ордонансом конца 1749 г. в ближайшие месяцы было захвачено несколько сот подростков. Возникшие в Париже напряженность и страх вылились в мае 1750 г. в беспорядки, приведшие к гибели людей. Жертвами возмущенной толпы стали, прежде всего, ретивые полицейские агенты, забитые до смерти палками и кулаками.

Если выступления в столице непосредственно не угрожали королевской власти, то фантастические рассказы, связанные с "похищением детей" и отражавшие представления и уровень информированности простонародья, сильно вредили имиджу монарха. Захват мальчиков объясняли необходимостью готовить из их крови ванны для лечения от проказы какого-то

стр. 73

принца, либо короля, иностранного или французского. В народной традиции проказа рассматривалась не столько как недуг физический, сколько болезнь души- результат греховной жизни. А проявлялась она, среди прочего, в постоянной меланхолии. Таким образом, вырисовывался портрет человека, очень похожего на Людовика XV, которого уже начали величать новым Иродом (23). За пять лет, по крайней мере, у части населения отношение к нему изменилось от любви до ненависти.

На "потускнении" образа венценосца сказались как особенности поведения Людовика XV, так и некоторые долговременные сдвиги в стиле жизни французских монархов вообще. Короли не только отказались от длительных поездок по стране, предоставлявших подданным больше возможностей их лицезреть, но и крайне редко бывали в Париже. Что же касается Людовика XV, то он сократил до минимума даже число приемов в Версале: раз в неделю. Его скрытность, стремление работать одному расходились с принятой во Франции публичностью жизни короля, в том числе, семейной и создавали благоприятную почву для разного рода вымыслов. Манкирование отдельными аспектами церемониала, возвышавшего королевскую власть в глазах Французов, а еще больше отказ государя от миссии чудотворца ослабили духовную связь монархии с народом (24).

Непопулярность Людовика XV увеличилась по ходу развития событий, которые не будет преувеличением назвать политическим кризисом 50-х годов. В отличие от времен Флери, король играл ведущую роль. При этом он опирался на министров, наиболее сильным из которых являлся генеральный контролер финансов Машо. Монарх и Машо ввели новый налог - двадцатину, принципы взимания которой были революционными: в равной мере подлежали обложению все сословия и все территории страны. Недовольных было много; особенно возмущалось духовенство, прежде вносившее лишь добровольный дар королю. Из-за его неуступчивости, а также под давлением придворной партии "набожных", поддержанной королевской семьей, Людовик отступил. 23 декабря 1751 г. священнослужители освобождались от уплаты двадцатины.

Духовенство оказалось и в центре главного конфликта того времени. Ужесточая позицию в отношении янсенистов, епископат потребовал от умиравших свидетельства об исповеди, подписанные кюре - сторонниками буллы "Унигенитус".

В защиту несчастных, не имевших такой бумаги и умиравших без причастия и соборования, и сотен французов, коих та же участь ожидала в будущем, выступили парламенты. Стало общим местом в литературе обвинять магистратов в отстаивании узко-сословных интересов от покушений идущего по пути реформ абсолютизма. Невозможно, однако, объяснить большую популярность парламентов только изощренной демагогией. Они улавливали народное недовольство и нередко отражали его в своих протестах. К священникам, отказывавшим умирающим в обычном для христианина прощении с земной жизнью, парламентарии принимали жесткие меры вплоть до ареста.

В конфронтацию, охватившую страну, вмешался король. Но поначалу ему не удалось стать арбитром и остудить страсти. Воспитание и взгляды сближали монарха с церковными ортодоксами, а приверженность своим абсолютным правам настраивала против парламентов, решения которых по религиозным вопросам он кассировал.

Действительность, казалось, оправдывала подобную позицию. Весной 1753 г. появились "Великие ремонстрации", в которых магистраты, никак не удовлетворенные ролью регистраторов королевских эдиктов, настаивали на возможности не только исправлять, но и творить законы. Активно обсуждалась и идея "единого парламента". В отсутствие Генеральных штатов такой парламент мог претендовать на роль общенационального представительного органа(25). Ответом стали решительные действия Людовика: самые рьяные оппозиционеры были арестованы, члены Высшей палаты Парижского парламента отправлены в ссылку в Понтуаз, а 176 представителей его Следственной палаты и Палаты прошений рассеяны по семи городам.

Это окрылило клерикалов и особенно иезуитов. Один из них - Ложье,

стр. 74

проповедуя в Версале, назвал парламенты нечестивыми разрушителями религии, а его собрат в присутствии короля предлагал даже пролить немного крови "еретиков", чтобы избежать большой беды (26).

Возмущение населения иезуитами и другими ортодоксами достигла точки кипения и все больше обращалось против монарха. Во многих местах находили листки со словами: "Смерть королю и епископам!". Париж балансировал на грани восстания и Людовик должен был отказаться от прежнего одностороннего курса.

В декабре 1754г. он выслал нескольких представителей епископата, включая и парижского архиепископа Кристофа де Бомона, яростного преследователя подозреваемых в янсенизме. Репрессиям со стороны короны подверглись и отдельные священники, отказывавшие умирающим в последнем причастии. Но, когда вдохновленный ходом событий Парижский парламент объявил, что булла не есть символ веры, король отменил это постановление. Между тем само духовенство на ассамблее в 1755г. разделилось по вопросу свидетельств об исповеди. Король

обратился за решением к папе. Папская энциклика была согласована либеральным и просвещенным Бенедиктом XIV с французским послом в Риме графом Стенвиллем, будущим герцогом Шуазелем- первым министром Людовика XV. Она представляла собой компромисс: священник обязывался совершить необходимый обряд, но предупредить умирающего, что тот будет проклят, если - янсенист. Таким образом, проблема лишалась остроты, а общество успокоилось.

В том же, что касалось места парламентов в жизни страны, Людовик не допускал двойственности. На королевском заседании в декабре 1756 г. были утверждены декларации о запрещении совместных заседаний палат Парижского парламента, о невмешательстве магистратов в политические дела и, наоборот, об их обязанности выполнять свои судебные функции, не прибегая к так называемым "стачкам", и о подаче ремонстраций только после регистрации предложенных документов, что сводило сопротивление лишь к красивому жесту.

Отзвуком политического кризиса явилось покушение Дамьена на Людовика XV. Это произошло 5 января 1757 г., когда король уезжал из Версаля в Трианон. Спрятавшись под лестницей на выходе из дворца, злоумышленник нанес монарху удар ножом в бок. Жизненно важные органы остались незадетыми, но поначалу придворным и самому королю подумалось, что он умрет. В ожидании смены государя военный министр граф д'Аржансон и Машо стали дерзить Помпадур. Но рана быстро зарубцевалась, а незадачливые царедворцы были немедленно отставлены.

Злодея взяли на месте. Выходцу из Артуа, Дамьену, работавшему слугой в парижских домах, было уже за 40. Возникла версия о заговоре, тем более, что покушавшийся служил у людей, связанных с Парижским парламентом, а причащался у иезуитов, которые, по мнению многих, поднаторели в убийстве королевских особ. Но следствие, допрос 85 свидетелей и преступника, которого жестоко пытали, показали, что он действовал в одиночку. То был психически неуравновешенный человек, о чем свидетельствовали и его поведение, и избранное орудие покушения - перочинный нож. Но несомненно на Дамьена повлияли господствовавшие в Париже настроения; он разделял всеобщую ненависть к тем, кто отказывал в причастии умиравшим оппонентам буллы.

Приговор поражал садизмом. Было предписано сжечь Дамьену правую руку, затем вырвать раскаленными щипцами куски мяса из разных частей тела, залить раны расплавленным свинцом и кипяченым маслом, и, наконец, разорвать с помощью четырех лошадей. Можно много говорить о жестоком веке, о людях из народа, требовавших мучений для осужденного, но все это не извиняет французского монарха. В ту пору идеи гуманизма не только получили хождение в передовой общественной мысли, но и частично отразились в политической практике "просвещенных деспотов". Людовик XV был не из их числа.

Политический кризис 1750-х годов ослабил позиции столь влиятельного

слоя, как духовенство. Особенно непопулярными оказались представители Общества Иисуса, известные рьяной защитой буллы "Унигенитус" и решительным отказом в причастии даже ее умиравшим противникам. Это добавило ненависти к иезуитам, вызванной долговременными факторами: их ориентацией на вненациональные силы, закрытостью от общества, участием, реальным или мнимым, в разного рода заговорах, эластичностью морали, неподобающими для церковной структуры богатствами. Организаторскую и руководящую роль в борьбе французской общественности с Орденом взяли на себя парламенты, уже поднатворившие в противостоянии ортодоксальному духовенству.

Поводом к наступлению на иезуитов стало дело одного из них - отца Лавалетта, торговавшего колониальными товарами и взявшего огромный кредит у Марсельского коммерческого общества. Но англичане, захватывавшие французские суда, овладели и грузами, принадлежавшими незадачливому негоцианту. Он стал банкротом, а Орден отказался нести ответственность за своего члена и возратить деньги марсельским заимодавцам. Те обратились в судебные инстанции и дело разбиралось Высшей палатой Парижского парламента. Она присудила иезуитов к уплате 3 млн ливров.

Прекрасно зная о уязвимых элементах доктрины Общества, парламенты настояли на немедленном рассмотрении их статусов. Особые нарекания вызвали положения о верховенстве пап над государями и зависимости национальных церквей от Рима. В старых, но все время переиздававшихся сочинениях иезуитов допускалась при определенных условиях возможность цареубийства. Практика Ордена и труды его членов давали некоторые основания говорить о "извращенной морали". Вооруженным такой аргументацией парламентариям было проще довести борьбу с Обществом Иисуса до конца.

6 августа 1761 г. Парижский парламент запретил иезуитам преподавательскую деятельность. Король добился отсрочки введения этой меры. Но к гонениям на иезуитов подключились провинциальные магистраты: парламент Прованса потребовал конфискации всего имущества Ордена, а Ру-анский и вовсе высказался за его ликвидацию. С ним согласился и Парижский парламент. Но последнее слово оставалось за Людовиком XV, который оттягивал решение как мог. И только в ноябре 1764г. появился королевский эдикт об упразднении Ордена иезуитов во Франции (27). Тяжелое поражение страны в Семилетней войне, дальнейшее падение своего авторитета заставили монарха уступить давлению общественного мнения.

Плачевные для Франции результаты войны обуславливались как объективными обстоятельствами, так и просчетами короля и его окружения. Самыми серьезными в ту пору были англо-французские противоречия в связи с колониальной экспансией обеих стран, а также в Европе. Но на заморских территориях на 10 английских поселенцев приходился только один француз. Другим козырем британцев являлся их флот, превосходивший французский по количеству кораблей, силе бортового огня и скорости стрельбы в 2-3 раза. Состояние военно-морских сил и ситуация с колониями беспокоили Людовика XV, рассчитывавшего, однако, что решающее значение для исхода конфликта будут иметь его сухопутные войска, в мощь которых он верил. Помня о болевых точках в отношениях между Англией и Францией в Германии и Южных Нидерландах, он также полагал, что в условиях разделения

Европы на противоборствующие коалиции, франко-британское столкновение быстро перерастет в общеевропейскую войну, главной ареной которой станет Старый континент. Планы монарха не отличались ясностью, обнаруживали прежнее пристрастие к многоходовым комбинациям ради увеличения престижа страны в мире и содействия государствам, ведомым родственниками французского королевского дома.

Английской внешней политике, напротив, была присуща цельность. Правящая элита страны добивалась расширения британского колониального пространства, одновременно проявляя заботу о судьбе Ганновера - родового владения новой царствующей династии. Англия быстро согласилась на предложения Фридриха II, которому из-за его агрессивности уг-

стр. 76

рожала изоляция в Европе. 16 января 1756г. двумя странами была подписана Вестминстерская конвенция, не только обеспечившая Англии прусскую поддержку для защиты Ганновера, но и позволившая ей втянуть Францию в континентальную войну (28).

Этот договор знаменовал начало кардинальных перемен в системе сложившихся в Европе союзов - "дипломатической революции". Ее наиболее значимой частью стало австро-французское сближение - настоящий прорыв после столетий противостояния. Переговорный процесс, инициированный Марией-Терезией и ее канцлером Кауницем был одобрен французским королем, убедившимся в ослаблении взаимных претензий и с удовлетворением отметившим, что Австрия не цепляется за Бельгию и готова передать ее зятю Людовика- испанскому инфанту в обмен на Парму. Помпадур, которую третировал Фридрих II, но задабривала ловкая австрийская императрица, активно поддержала союз с последней. Вестминстерская конвенция еще раз продемонстрировала французскому государю вероломство прусского короля и резко ускорила договоренности с Австрией. Предусматривался ее нейтралитет в англо- французском конфликте и совместные действия с Францией при нападении иной державы на одну из договорившихся сторон, на что каждая выделяла по 24 тыс. солдат. Этот оборонительный союз содействовал потеплению отношений с Россией. В грядущей войне та стремилась овладеть Восточной Пруссией и, возможно, обменять ее на Курляндию, усилить позиции в Речи Посполитой (29). В декабре 1756 г. наше Отечество присоединилось к антипрусской коалиции, а Франция оказалась в двойственном положении, вынужденная совмещать свои поползновения в Польше с союзническими контактами с Россией.

Вырисовывался большой перевес сил в Европе и это лишало французские власти остатков осторожности. Тому же способствовали победы на полях сражений в канун и в начале Семилетней войны. В Северной Америке французы установили контроль над долиной Огайо, а 9 июля 1755г. разбили регулярные британские части генерала Брэдока. Успехи продолжились и после объявления войны. Стало полностью французским озеро Онтарио. Результат дали и активные действия в Средиземноморье. Герцог Ришелье овладел островом Менорка; Корсика также оказалась в руках Франции. Это внушало оптимизм королю, стимулировало

превращение союза трех держав в наступательный. По второму Версальскому договору с Австрией, подписанному в мае 1757 г. французы должны были выставить 130 тыс. солдат и помочь союзнику субсидией в 12 млн флоринов.

Затем, однако, последовали неудачи - следствие преимуществ прусской сухопутной армии и английского флота. 5 ноября 1757 г. пруссаки разгромили принца Сюзиза под Росбахом, а 23 июня 1758 г. маршал Клермон был побежден ими при Крефельде. Ситуация с колониями в корне изменилась, когда британскую политику фактически стал направлять У. Питт Старший. Разработанные им планы, его энергия и непреклонность позволили полно раскрыть потенциальные возможности англичан (30).

Перед Францией же возникла альтернатива: либо немедленные переговоры и достижение мира, либо расширение и укрепление союзнических связей и попытки продолжить войну до победы. Министр иностранных дел аббат Берни, отдававший себе отчет в слабости французов перед лицом британского флота, в ошибках военного руководства, в пагубных последствиях войны для финансовой системы, тяготел к миру. Но возобладала другая позиция, поддержанная королем и маркизой, считавшими неудачи, хотя и серьезными, но временными, преодолимыми за счет более умелого ведения боевых действий и с помощью союзников. Заключили третий Версальский договор с Австрией, к которому позднее присоединилась Россия. Главным проводником правительственного курса стал герцог Шу-азель - новая креатура Помпадур, человек решительный и смелый, но склонный к авантюре.

Он надумал послать корабли брестской и тулонской эскадры с сухопутными силами для высадки к берегам Шотландии. Предусматривалась и помощь русского корпуса, который доберется по Одру до Штеттина,

стр. 77

погрузится на суда еще одного союзника по антипрусской коалиции - Швеции с тем, чтобы достичь Британии. План совершенно нереальный и, как иронизировал Вольтер, похожий на сказки "Тысячи и одной ночи" (31). Действительность оказалась прозаичней и куда печальней. В 1759 г. английские адмиралы разгромили обе французские эскадры. Франция потеряла Канаду и была разбита в Индии. Стремление опереться на союз с Испанией, с коей подписали "фамильный пакт", принесло не успехи, а новые поражения, правда, благодаря смене британского кабинета и прихода во власть "королевских друзей" во главе с Бьютом условия мира, увенчавшего Семилетнюю войну, были несколько смягчены и Франция сохранила часть Антильских островов. Но, лишившись основных заморских территорий, она уже не могла конкурировать с Англией в колониальной экспансии.

До и во время политического кризиса, в период Семилетней войны - всегда рядом с Людовиком находилась его фаворитка. Правда, пора горячей любви прошла. Причиной тому явилось несходство темпераментов: как женщина Помпадур отличалась холодностью и тщетно пыталась обмануть природу с помощью возбуждающих средств. Ритм жизни этого хрупкого, со слабым здоровьем создания был слишком интенсивным: государственные дела, придворные обязанности,

необходимость постоянно утешать и развлекать легко впадавшего в уныние короля. На сон оставалось мало времени, не потому ли стала блекнуть красота маркизы? Венценосец же, приученный с юности к физическим нагрузкам, сохранил отличную форму и в зрелом возрасте. В любви он был по-прежнему пылок и неутомим, а желание новизны толкало его в объятия готовых уступить монарху женщин разного звания.

Через подставных лиц для короля приобрели домик в тихом месте, прозванном прежде Олений парк. Здесь, по меньшей мере, с 1755 г. по 1766г. жили и часто сменяли друг друга девушки, которых подбирал для Людовика его камердинер Лебель. Последний искал не только красивых, но и юных, поскольку монарх опасался заразиться венерической болезнью. "Маленькие любовницы" короля не оставили заметного следа в истории. Самой известной из них стала ирландка Мари-Луиза Мэрфи, чей облик сохранил нам художник Буше.

От этих женщин у короля насчитывали восемь внебрачных детей: три мальчика и пять девочек. Вопросы их материального обеспечения решались оперативно. Из личного состояния монарха в пользу каждого ребенка выделялся капитал в 223 тыс. ливров, с годовым доходом в 24 тыс. 300 ливров (32).

Маркиза смирилась с Оленьим парком, но настоящую угрозу представляли знатные дамы, пытавшиеся занять ее место в сердце Людовика и на Олимпе власти. Удача, казалось, выпала на долю графини Шуазель-Романэ и маркизы Куаслен. Но, если они могли успешно потягаться с потускневшей Помпадур в свежести к красоте, то по интеллектуальным возможностям сильно ей уступали. Своим нерасчетливым поведением эти молодые особы облегчили фаворитке, ставшей с 1752 г. герцогиней, задачу их удаления от короля. Но победив соперниц, она не смогла справиться с болезнью. Слабые легкие свели ее в могилу 15 апреля 1764г., в возрасте 42 лет.

Людовик XV тяжело переживал смерть мадам де Помпадур. Вслед за ней в течение нескольких лет скончались и другие близкие королю люди - его сын и наследник престола Луи-Фердинанд, жена последнего - Мария Иозефа Саксонская, супруга самого монарха- Мария Лещинская. Это было жестоким ударом судьбы для человека, больше всего ценившего маленький уютный мирок семьи и друзей. Именно здесь он становился самим собой и вел себя естественно.

Особенно теплыми были отношения с дочерьми. Король придумал принцессам смешные прозвища, любил общаться с ними, тяжело переживал разлуку, когда они воспитывались в монастыре. Но проявлял и известный отцовский эгоизм при решении их личных судеб. Выйти замуж за подданного французской короны считалось для королевских дочерей ниже достоинства. Принцессе Гэнриэтте не позволили брак даже с герцогом Шартским

сестры остались в одиночестве.

Смерть близких подвигла короля к раскаянию. В течение нескольких лет после кончины маркизы у Людовика не было официальной метрессы, да и внимание к Оленьему парку ослабло. Апатия и меланхолия стали посещать его еще чаще, чем прежде. Портрет, написанный в ту пору Друэ, передает бесконечную грусть в глазах венценосца. Тоску развеяло знакомство с изумительной блондинкой, с пышными волосами, голубыми глазами и длинными ресницами, маленьким греческим носом. Оставив тяжелые думы, монарх пошел навстречу новой и последней любви.

Молодая особа, очаровавшая короля, родилась в 1743 г. и происходила из простой семьи. Ее дедом по матери был кабатчик, а отцом, вероятнее всего, мелкий приказчик с фермы. Воспитание и образование Жанна получила в Сент-Орском монастыре. Потом она состояла компаньоншей одной дамы, работала в магазине платья. В 20 лет познакомилась с графом Жаном дю Барри и сделалась его любовницей. В доме графа, в обществе дворян научилась искусству светской беседы, хорошим манерам. Став в 1768 г. возлюбленной короля, молодая женщина была формально выдана замуж за брата Жана дю Барри Гийома и могла именоваться графиней. После этого ее представили ко двору. Обладая легким характером и понимая настроение Людовика XV, дю Барри стремилась развеселить его, не допуская у себя серьезных и, особенно, политических разговоров.

Часть придворных невзлюбила новую фаворитку из-за низкого происхождения. Ее главным антагонистом стал Шуазель, поддержанный дочерьми монарха, его внуком-будущим Людовиком XVI и юной Марией-Антуанеттой. Другие представители знати и среди них - известный амурными похождениями маршал и герцог Ришелье и его племянник Д'Эгийон, наоборот, содействовали графине. Вскоре позиции графини при дворе стали прочными. Король демонстрировал щедрость: он назначил фаворитке ежегодное содержание в 3 млн 750 тыс. ливров. Людовик любил отдыхать в подаренном фаворитке замке Лувенсьен, наслаждаясь ее обществом (33).

Время сильных личных переживаний монарха совпало с периодом новых осложнений во взаимоотношениях абсолютизма с парламентами, с так называемым "бретонским делом". Резко возросший в результате войны государственный долг заставил власти искать дополнительные каналы поступлений в казну. Версаль потребовал от обладавшей фискальными льготами Бретани утроенной капитации, три двадцатины и другие платежи. Местные магистраты добивались замены этих налогов займами. Неприятие со стороны бретонских (реннских) парламентариев вызвало стремление главнокомандующего провинции - герцога д'Эгийона построить здесь новые дороги, чреватое большими расходами.

Одна из фискальных мер правительства - королевская декларация о генеральном кадастре - сопровождалась при ее регистрации в парламенте Ренна множеством оговорок и ограничений, разгневавших Людовика XV. Последовавшее "выяснение отношений" привело 22 мая 1765 г. к отставке большинства бретонских парламентариев. Вскоре королю было отправлено анонимное и грубо оскорблявшее его письмо, причем почерк автора выглядел схожим с почерком генерального прокурора Реннского парламента Ла Шалоте - человека мстительного и вспыльчивого. В ночь с 10 на 11 ноября 1765 г. Ла Шалоте с сыном - тоже генеральным прокурором оказались под арестом. Против этого акта, как и против

преследования своих реннских коллег, выступил Парижский парламент. Солидарность магистратов тем более раздражала Людовика XV, что демарш напомнил королю о политических претензиях парламентариев. Монарх счел нужным дать им урок и предупредить от покушений на его прерогативы. 3 марта 1766г. в своей речи на заседании Парижского парламента он почеркнул: "Только в одной моей особе пребывает верховная власть" (34).

Между тем король перевел дело Ла Шалоте и его сына в Государственный совет и оно непосредственно разбиралось в Совете депеш. Здесь на

стр. 79

заседании 22 декабря 1766 г. монарх заявил, что прекращает судебное преследование, но лишает доверия двух генеральных прокуроров, которых освободили из под ареста и сослали до конца царствования Людовика XV. В Ренне же пока действовал парламент, составленный, в основном, из креатур д'Эгийона. В дальнейшем, однако, из-за протестов общественности герцог был отозван из Бретани, а 10 июля 1769 г. восстановлен парламент в прежнем виде. Последний, в свою очередь, обвинил д'Эгийона в злоупотреблениях и с апреля 1770г. уже Парижский парламент разбирал дело бывшего бретонского главнокомандующего. Но король не отступился от преданного царедворца, который к тому же был другом дю Барри. Он сам председательствовал во время прений и через два месяца объявил герцога невиновным. Попытки парламента возобновить разбирательство не имели успеха. Людовик распорядился вырвать из парламентских регистров все бумаги, касавшиеся обвинений против д'Эгийона. В ноябре 1770 г. он сделал еще один шаг по пути обуздания парламентариев. Был подписан эдикт, запрещающий парламентам совместные выступления, а магистратам- "забастовки". Подавать же ремонстрации они могли только после регистрации королевских указов.

Не все окружение Людовика XV разделяло его решимость бороться с политическими амбициями парламента. Фактический первый министр Шуазель поддерживал хорошие отношения с магистратами. У короля накапливалось раздражение герцогом, тем более, что тот был ярым врагом фаворитки. Последней каплей, переполнившей чашу терпения монарха, явился неудачный внешнеполитический ход министра. К концу 1770 г. вспыхнул конфликт между Испанией и Англией из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Шуазель не просто занял происпанскую позицию, но и готов был воевать. Более осторожный, хорошо помнивший о результатах противостояния с Англией в 1756-1763гг. король, с трудом сдерживая гнев, объявил герцогу: "Месяе, я вам говорил, что не хочу войны"(35). Казавшийся недавно всеильным министр был отправлен в отставку и выслан в свое имение.

В это время монарх перешагнул 60-летний рубеж. Силы убывали. Казалось, что и королевская власть во Франции ослабнет. В действительности произошло обратное. В 70-е годы, в последний период своей жизни монарх действовал решительно, в полной мере проявляя политическую волю. То была линия на искоренение феодально-корпоративистских пережитков в политической и судебной сферах. Одновременно Людовик XV добивался оздоровления финансовой системы. Для проведения такого курса требовались и соответствующие помощники. Ими стали,

прежде всего, канцлер Мопу и генеральный контролер финансов аббат Тэрре- люди жесткие, не склонные к компромиссу с оппонентами, не чувствительные не только к критике в свой адрес, но и к глубокой неприязни, которую они внушали общественности.

Особенно впечатляющими были меры, предпринятые канцлером и увенчавшие многолетнюю борьбу короля с магистратами. Все приобретенные должности упразднились за выкуп. Парламенты и другие высшие суды рекрутировались на конкурсной основе. На одну вакансию выдвигалось по три кандидата, достигших 25 лет и имевших необходимое образование и практический опыт. Принципиально важным было то, что занявший место получал жалование от государства, тогда как подношения от тяжущихся запрещались и суд становился бесплатным(36). Предлагалось кардинальное преобразование: вместо мало зависящих от властей и сплоченных корпоративными интересами обладателей должностей появлялись чиновники, обязанные монархии и продвижением по службе, и материальным благополучием.

Репрессии против оппозиции проходили одновременно с реформированием парламентов. Канцлер сослал 130 парижских и 100 провинциальных парламентариев. Некоторые высшие суды упразднились. Общее количество магистратов сократилось на 2/3. Территория, подпадавшая под юрисдикцию Парижского парламента, сильно уменьшилась. Часть прежних пар-

стр. 80

ламентариев, а также люди, подобранные канцлером, составили новые судебные органы, презрительно именовавшиеся обществом "парламенты Мопу". Недовольство проявлялось живо, причем среди протестовавших активную роль играли герцоги и пэры(37). Но о новой Фронде не шло и речи. Магистраты оказались способными только на разговоры, но не на действия. Победу праздновали реформатор и стоявший за ним король.

Другая "головная боль" Людовика XV - тяжелое финансовое положение страны: дефицит бюджета в конце 1769 г. перевалил за 100 млн ливров, были израсходованы средства в счет доходов за 1770 г. и первые месяцы 1771 года. Аббату Тэрре удалось переломить неблагоприятную тенденцию. Генеральный контролер добился серьезного сокращения расходов, проявил жесткость при взимании действовавших налогов и чуда изобретательности в поисках новых каналов пополнения казны. Пенсионные выплаты уменьшились на 1,8 млн ливров, снижение процентов по займам дало экономию в 17 млн ливров, такой же результат получили благодаря упразднению кассы погашения государственного долга. Среди мер, обеспечивавших рост доходов, важное место занимали увеличение стоимости откупов и дополнительные налоги с откупщиков. Для получения значительных средств монархия пошла даже на акции, противоречившие курсу на отказ от продажи должностей. Тэрре позволил городам и провинциям выкупать уже отмененные должности, что принесло государству 18 млн ливров. Доходы казны увеличивались и за счет платежей, связанных с привилегиями короля в отношении земли. Выросли налоги на крахмал, бумагу и картон. В целом достижения аббата оказались

впечатляющими: удалось снизить дефицит государственного бюджета до 27 млн ливров.

При этом было бы неверно видеть в нем только деятеля, до предела закрутившего гайки налогового пресса. В известной мере Тэрре явился продолжателем реформаторского курса Машо, добивавшегося участия всех французов в налоговых тяготах. Он активно и весьма успешно боролся с льготами и освобождениями перед лицом фиска. От анноблированных после 1715г. и их родственников потребовали больших платежей для подтверждения их прав. При взимании капитации в Париже Тэрре заставил платить буржуа, прежде избегавших этого благодаря налоговым послаблениям. Аббат распорядился подготовить генеральный земельный кадастр, что помешало бы привилегированным приуменьшать* доходы с земли. Для этого же Тэрре, как раньше Машо, настаивал на институте контролеров-, которые следили бы за правильностью поданных налоговых деклараций.

Преобразования, осуществленные в последние годы жизни короля, решительность, жесткость и энергия, с которыми они проводились, ставят под сомнение широко распространенный прежде в литературе тезис об отсутствии у Людовика XV политической воли. Жизненный путь монарха скорее свидетельствует о позднем наступлении у него зрелости как государственного мужа. Но сильной стороной деятельности венценосца явились желание и умение учиться на ошибках, постоянное приобретение опыта. Результатом и стал прорыв первой половины 1770-х годов. При этом убеждения и принципы, которыми руководствовался король, оставались неизменными. Людовик XV не представлял себе для Франции иного политического строя, чем абсолютная монархия. Его курс не был, однако, реакционным, проникнутым стремлением повернуть страну вспять, к временам прадеда. Он, напротив, выкорчевывал укоренившиеся архаичные элементы политической системы, реформировал и модернизировал ее, задевая интересы привилегированных.

Но в разгар преобразований, 10 мая 1774г., король умер, заразившись оспой. Со смертью Людовика XV оборвались и его начинания. Внук покойного Людовик XVI, не удержавшись от популизма, восстановил парламенты в прежнем виде. Широкое вмешательство Франции в войну в Америке стоило громадных средств и обрушило надежды на оздоровление финансов. Абсолютизм стремительно приближался к своей гибели, а страна- к "великим потрясениям".

стр. 81

Примечания

1. LEVRON J. Louis XV: L'homme et te roi. P. 1974, p. 54.
2. ANTOINE M. Le Conseil du Roi sous le regne de Louis XV. P. 1970, p. 599.
3. МАЛ ОВ В. И. Людовик XIV: опыт психологической характеристики.- Новая и новейшая история, 1996, N 6, с. 161.

4. GERARD Jo. Louis XV, le Mal-Connu. P. 1968, p. 37.
5. LEVRON J. Op. tit., p. 62-63; GAXOTTE P. Le Siecle de Louis XV. P. 1974, p. 83, 181-183.
6. SARS M. Le Cardinal de Fleury: apotre de la paix. P. 1942.
7. LEVRON J. Op. tit., p. 128-130.
8. DE PARNES R. Anecdotes secretes du regne de Louis XV. P. 1882, p. 150-160.
9. ADAM A. Du mysticisme a la revolte: Les jansenistes du XVIII siecle. P. 1968, p. 331-336.
10. SARS M. Op. tit., p. 128-150.
11. Ibid., p. 149; РОКЭН Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке: 1715- 1789. СПб. 1902, с. 71.
12. BERENGER J. et MEYER J. La France dans te monde au XVIII siecle. P. 1993, p. 280; МЭХЕН А. Т. Влияние морской силы на историю. 1600-1789. М.-Л. 1941, с. 58.
13. PERRAULT G. Le Secret du Roi. P. 1992, p. 69.
14. Ibid., p. 120-122; BERENGER J. et MEYER J. Op. tit, p. 166.
15. LEVRON J. Op. tit., p. 180-186.
16. CHAUSSINAND-NOGARET G. Gens de finance au XVIII-eme siecle. P. 1972.
17. BERENGER J. et MEYER J. Op. tit., p. 188; МИТФОРД Н. Мадам де Помпадур. Ростов-на-Дону. 1998, с. 72-75.
18. BERENGER J. et MEYER J. Op. tit., p. 188. Здесь авторы ссылаются на мнение выдающегося знатока французской истории той эпохи М. Антуана.
19. Подробнее об этом см: ВАЛИШЕВСКИЙ К. Дочь Петра Великого. Минск. 1990, с. 338- 349.
20. АНИСИМОВ Е. В. Елизавета Петровна. М. 1999, с. 185-186.
21. MARION M. Macb.aude d'Arnouville: Etudes sur l'histoire du controle general de finances de 1749 a 1754. Geneve. 1978, p. 13.

22. NICOLLE J. Madam Pompadour et le societe de son temps. P. 1989, p. 181.
23. FARGET A. et REVEL J. Logiques de la foule: L'affaire des enlevements d'enfants. P. 1988, p. 115-120, 134, 137.
24. VIGUERIE J. de. Le roi et le "public": L'exemple de Louis XV.- Revue historique, 1987, N3.
25. БЕРГО К. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму во Франции в 50-е г. XVIII в.: оформление парламентской политической доктрины.- Развитие политических партий в Западной Европе и Америке в новое и новейшее время. М. 1984.
26. РОКЭН Ф. Ук. соч., с. 191-192.
27. Histoire de France: La France des Lumieres: 1715-1789. p. 1970, p. 26-28.
28. ЯКОВЛЕВ Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М. 1997, с. 69.
29. ЧЕРКАСОВ П. П. Двухглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700-1775. М. 1995, с. 190-191.
30. СОКОЛОВ А. Б. Питт-Старший.- Вопросы история, 1991, N 1, с. 216-218.
31. ВАЛИШЕВСКИЙ К. Ук. соч., с. 495-497; ЧЕРКАСОВ П. П. Ук. соч., с. 173- 174.
32. ANTOINE M. Le dur metier de Roi: Etudes sur la civilisation politique de la France d'Ancien " Regime. P. 1986, p. 293-313.
33. SAINT-ANDRE Cl. Madame du Barry. P. 1909; DE PARNES R. Op. tit., p. 213- 245.
34. Цит. по: РОКЭН Ф. Ук. соч., с. 274.
35. Цит. по: LEVRON J. Choiseul: un sceptique au pouvoir. P. 1976, p. 258.
36. LAUGIER L. Une ministere reformateure sous Louis XV: Le Triumvirat (1770-1774). P. 1975, p. 91, 113.
37. EGRET J. Louis XV et l'opposition parlementaire. P. 1970, p. 219.